
Heartfelt
Там, где зажигаются звёзды
Мой свет во тьме
18+
18+

Heartfelt .

Там, где зажигаются звёзды. Мой свет во тьме

https://litres.ru/74709217
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, между добром и злом существует тонкая гармония. Но что, если однажды ты сам нарушишь её — и окажешься по ту сторону?

Кан До Хён — демон, с детства мечтавший о дружбе с людьми. В пять лет он заплатил за свою наивность шрамами на лице и изгнанием из родной семьи. Двенадцать лет он живёт в глухом лесу, вдали от всех, пытаясь забыть, что когда-то был тем самым маленьким, доверчивым мальчиком.

Но однажды утром у озера он спасает тонущего ангела. Существо света с белыми крыльями и глазами, полными слёз. Ха Юн — тот, кто не должен был выжить в руках создания тьмы. Но он выжил. И подарил демону то, чего у него не было двенадцать долгих лет — надежду.

Они разные. Им нельзя быть вместе. Но когда с неба падает белое перо, а звёзды зажигаются там, где раньше была только тьма, До Хён загадывает самое заветное желание.

Эта история о том, как среди своих можно остаться чужим. И о том, что даже разбитое сердце способно исцелиться, если рядом окажется тот, кто не побоится подать руку.

Содержание

Глава 1. Тот кто живёт в тени. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Heartfelt .
Там, где зажигаются звёзды. Мой свет во тьме

Глава 1. Тот кто живёт в тени.

Говорят, что между добром и злом есть некая гармония, которая тянется ещё из далёкого прошлого.

Я хочу погрузить вас в саму историю этой непростой и очень глубокой новеллы.

***

Кан До Хён — обычный демон современного мира, живущий в глуши, далеко от мира всего; создаётся ощущение, будто он в тени. Как же так получилось, что он остался совсем один на этом белом свете? Когда он был ещё маленьким мальчиком — маленьким, глупым и до глубины души наивным, — у него было всё: семья, дом. Но что же случилось?

Доверчивость и наивность маленького До Хёна были невообразимо высоки, что заставало всех врасплох. В дет-

стве мальчишка очень хотел подружиться с людьми. Казалось, для демона эта цель была недостижима и, может быть, находилась где-то извне, за гранью чего-то невозможного. Но До Хёну этой простой истины было не понять. Он жаждал быть рядом с ними. Но детскому, маленькому, несозревшему мозгу не суждено понять, что это невозможно.

И Хён пошёл к людям в небольшую деревню с мыслями, что его примут и захотят дружить, но в его голове даже мыслей не было о том, что ему могут навредить. Идя по узкой и извилистой тропинке, раздумывая о том, насколько люди — добрые и душевные создания Бога. Пока он шёл, лёгкий и тёплый ветерок колыхал его чёрные как смоль волосы, слегка их растрёпывая на отдельные пряди. Яркое солнце беспощадно палило всё вокруг, погружая день в неимоверную тридцатиградусную жару и слепя янтарные глаза.

Дойдя до входа в деревню, сердце с трепетом забилось в груди, давая ощущение ложной надежды. Невольно и неосознанно вздохнув, он сделал маленький и слегка неуверенный шаг вперёд, потом второй, третий… И вышел к центру деревни, но лёгкая улыбка медленно сползала с губ маленького демона по мере возрастающего количества презрительных взглядов, наполненных безграничным, словно бездонный сосуд, презрением и тихими, еле слышными, злобными и обжигающе едкими усмешками.

Сердце сжалось так сильно, что всё тело содрогнулось, вызвав лёгкую дрожь в ногах и заставляя неосознанно замедлить шаг. Холодный пот выступил на лбу, отчего волна мурашек пробежала по спине, будто рой пчёл, жалящих каждый сантиметр кожи. Кидая на людей вокруг взгляд, полный беспокойства и дикого, животного страха. Люди, что заметили демона, сначала ужаснулись, а после их физиономии исказились гримасой из смеси гнева и отвращения. Они медленно окружили его в круг, замыкая Хёна в плотное кольцо, лишая его любого шанса к побегу.

До Хён испугался пуще прежнего, и страх был не просто сильным, диким или животным — он был леденяще первобытным, проникая в каждую клеточку тела, разрушая её ужасом перед неизвестностью. Деревенский народ бросал короткие взгляды на Хёна, параллельно перебрасываясь парочкой коротких, но ядовитых фраз.

— Демон? Что он тут забыл? Такому монстру нечего делать среди людей, — фраза пролетела настолько быстро, что Хён не сразу понял её смысл, а когда всё-таки смысл сказанного достиг детского разума, пришло резкое понимание и осознанность того, что тут ему не то что не особо рады, но и, кроме колкой ненависти, что проникала в их разум словно игла, ничего нет.

— Не знаю, но ему тут явно не место! Такая тварь и убить может! Даже глазом не поведёт, как вокруг всё будет забросано горами из трупов и океанами из крови! — кто-то крикнул из толпы, не особо подбирая слова, бросив в мальчишку камень.

До Хён инстинктивно повернулся в сторону того жителя, что выкрикнул столь обидную фразу, и хотел было что-то сказать в ответ, пытаясь защитить себя хоть как-то. Но стоило рту приоткрыться для ответа, как в голову с глухим звуком от удара булыжника, рассекая кожу словно нож, пронзила острая боль, заставляя корчиться и стонать, извиваясь в попытках хоть как-то приглушить её.

От такого сильного удара Хён упал на колени, закрывая рану руками, сильно закусив губу, прокусывая до крови, чтобы не выдать свою боль и слабость. Толпа будто замерла, но лишь на мгновение. В этот мимолётный момент, наполненный звенящей тишиной, они наблюдали за реакцией, но, если приглядеться, можно было уловить ускользающие нотки страха во взгляде перед непредсказуемой реакцией твари. Со стороны тишина вокруг казалась настолько тихой и напряжённой, что можно было услышать дыхание каждого участника преступления.

Хён сидел и зажимал свежую рану. Народ, понявший, что ответки не последует, рассердился ещё больше. Они и сами не осознавали, по какой причине подобная реакция их разгневала, но факт остаётся фактом.

— Слушайте, односельчане! А давайте накажем тварь бездушную! Чтобы неповадно было ходить в наши земли! — такое предложение звучало так, будто зачитывают приговор на смертную казнь, чеканя каждое слово.

— Да и поделом ему будет — и как нам раньше в голову не пришло? — наказать монстра — такие поддерживающие отголоски звучали из разных уголков толпы. И Хён зажмурился, мысленно сжавшись в маленький комочек. Он ничего не видел, но всё прекрасно чувствовал.

Крепкие мужские руки схватили по обе стороны его плеч, ещё сильнее вдавливая в землю, отчего даже дышать стало трудно. А после что-то острое и холодное прошлось по щекам, рассекая тёплую плоть, начиная от середины щёк и заканчивая уголками губ. Острая боль пронзила лицо, от которой хотелось кричать, пока не сорвёшь голос и не потеряешь сознание от сильной усталости и чувства собственной ничтожности. Но Хён терпел, кусая губы, щёки, язык — да хоть что, лишь бы сдерживать то, что бурлило внутри, стараясь вырваться наружу словно вулкан.

От такой жестокой картины над маленьким созданием природы, пусть это и был демон, люди разделились на два лагеря: кто-то лишь подливал масло в огонь, выкрикивая поддерживающие слова по типу «давай, давай!» или «так и надо», а некоторые самые смелые выражались матом: «убей эту суку!».

Другие же просто молчали, наблюдая со стороны, и могло показаться, что в их бесчеловечных глазах всё же проскальзывает тоненькая, почти угасшая нить жалости и сочувствия. Вмешиваться они, конечно же, не собирались, ибо сами не хотели стать жертвой подобных разборок.

Солёные, наполненные горечью слёзы потекли ручьём из глаз, оставляя жгучие следы на свежих ранах, будто по ним прошлись раскалённым клинком. Не выдержав подобных пыток, Хён вырвался из цепких лап безжалостных тварей и мразей, бросился в лес, скрываясь среди деревьев. Вслед слышал лишь громкие крики о том, какой он монстр и тварь, безжалостное чудовище, не щадящее человеческих жизней.

— Давай, беги отсюда и не возвращайся сюда никогда! — кричали люди, кидая вслед камни.

До Хён бежал не оборачиваясь. Он спотыкался и падал,

но из-за страха за свою жизнь он вставал и вновь бросался наутёк. Только когда крики стихли, а вокруг всё погрузилось в спокойную тишину, он остановился и решил оглядеться.

Взгляд бродил по округе, изучая окружающее пространство. Ничего необычного не было: деревья, трава, где-то вдали пели птицы, а тёплый и душный ветер шелестел листьями, дополняя пение птиц. Из-за жары и палящего солнца свежие раны на лице и в голове запекались, покрываясь корочкой, стягивая кожу вокруг, принося ещё больше боли.

Мальчик лёг на траву, свернувшись в калачик и прикрыв глаза, тихо хныча. Он чувствовал, как перед глазами начинало всё плыть, а ноги стали тяжёлыми и ватными. Он окончательно закрыл глаза, давая себе шанс погрузиться в бездну.

Неизвестно, сколько он так лежал на траве в бессознательном состоянии. Палящее солнце клонилось к закату, окрашивая небо и медленно плывущие, словно лебеди, облака в жёлто-оранжевые, розовые и фиолетовые цвета. Это выглядело так красиво, будто рука юного художника прошлась по небу словно по холсту.

Кан До Хён медленно открыл глаза, пытаясь сфокусировать взгляд на окружении. Пролежав так ещё минуты три, он нашёл в себе силы, чтобы встать и осмотреться. Голова

сильно болела и кружилась, отчего мальчик не мог до конца сосредоточиться на пространстве, что было вокруг него.

Сделав шаг и слегка пошатнувшись, еле удерживая равновесие, чтобы не упасть, он медленно пошёл в сторону дома, в надежде, что там ему окажут помощь и пожалеют. Дорога была недолгая. Идя по тропинке, он обдумывал всё, что сегодня произошло, делая вывод для себя, что люди вовсе не добрые и уж тем более не душевные, как кажется на первый взгляд. Хотя, может быть, к другим людям они действительно такие, но к демонам и подобным сущностям они относятся враждебно.

Из раздумий его вырвал голос сестры, что подбежала к нему. Он был настолько увлечён своими выводами, что не заметил, как дошёл до дома.

Все демоны жили в небольшой, но красивой и атмосферной деревушке, где все друг друга знали и всегда старались прийти на взаимовыручку.

Посмотрев на сестру, Хён не мог вымолвить и слова по двум причинам. Первая причина заключалась в том, что у него сильно болели порезы на лице и любое, даже малейшее, движение приносило ещё больше боли. А вторая — это подошедший к горлу ком и хлынувшие слёзы из глаз.

Сестра поняла, что ответа она не дождётся, поэтому просто взяла за руку и повела в дом. Дойдя до дома, они зашли, и она повела брата на кухню, где была мать. Та при виде сына чуть было в обморок не упала, её глаза наполнились болью и подступающими слезами.

— Кто это с тобой такое сделал? — только и смогла выдавить из себя женщина, почти сразу бросившая свои дела и поспешившая найти аптечку.

Усадив сына на стул, она начала обрабатывать раны, тихо приговаривая слова утешения, всё ещё дожидаясь ответа на свой вопрос, но ответ вместо брата сказала его сестра.

— Кто, кто это мог сделать? Тут и думать не надо, сразу ясно, что это дело рук мерзких людишек! — она не особо подбирала слова, говоря всё, что накопилось на языке.

— Со Ён, подбирай выражения. И с чего ты взяла, что это дело рук именно людей? Может, До Хён просто так упал или напоролся на ветки, — говорила мать, параллельно обрабатывая раны своего сына.

— Ну мама, — пробубнила девушка с обидой в голосе, — тут сразу видно! Даже слепой поймёт, что это сделали люди!

Они напали на него из-за угла! Бляди мерзкие, и придушить их будет мало! — не унималась юная дева, кипя распирающей её злостью. Хоть она и была молода, всего четырнадцать лет, но не по годам остра на язык.

Со Ён с детства отличалась от других созданий прекрасного пола импульсивностью и быстрой переменой в настроении. В один миг она могла покрыть хорошим матом за пустяк, а спустя считанные минуты прослезиться от вида котёнка — такая непредсказуемость выбивала почву из-под ног.

— Со Ён, я тебе ещё раз повторяю: подбирай выражения. Я понимаю, что ты злишься, но будь скромнее, — упрекнула её мать.

— Хорошо-хорошо, прости, — буркнула дочь, надув губки.

Мать тяжело вздохнула и вернулась к ранам сына. В комнате снова воцарилась тишина — тяжёлая и неловкая. Прошло минут пять, и мать всё же решила задать свой вопрос повторно.

— Сынок, — сказала она тихим ласковым голосом, — кто это сделал? Как это произошло? Не молчи только, пожалуй-

ста.

Хён молчал с минуту, подбирая слова и собираясь с силами, сдерживая жгучую боль от порезов на лице. Он начал медленно и тихо говорить.

— Мам, это сделали люди, — прошептал он. — Я хотел с ними подружиться и пошёл в деревню… Кто же знал, что они не такие добрые, как кажутся…

От такого ответа в комнате повисла гробовая тишина. Она была хуже любого ответа. Что мать, что сестра До Хёна были в шоке и не могли подобрать и слов в ответ. Первая эту тишину нарушила Со Ён. С тихой усмешкой на губах она сказала:

— Ну ты и дурень! Как можно было пойти к людям, зная, что от них ничего хорошего можно не ждать! Это каким надо быть доверчивым идиотом!

— Я не идиот, — возразил Хён, хотя в глубине души он прекрасно понимал обратное.

— А кто ты тогда? — спросила Со Ён, на что ответа так и не услышала, отчего тихо хмыкнула.

Хён промолчал.

— До Хён, как тебе только в голову пришло пойти к людям?! Неужели так тяжело понять, что люди нам не друзья? Так есть, так было и так будет всегда! Господи, за что мне такой сын? — не унималась мать, расхаживая из одного угла кухни в другой.

Прошло минут пять после того, как женщина расхаживала и причитала, напоследок комната погрузилась в получасовое, тяжёлое молчание, после чего раздался тихий вздох матери.

— Ты хоть понимаешь, что натворил? — в её глазах появились слёзы, они выглядели так чисто, что можно подумать, что это чистый хрусталь или утренняя роса.

— Мам, ты снова начинаешь? — с полушёпотом промямлил сын.

— Что я начинаю? Ну что я опять начинаю?! Ты понимаешь, что ты теперь предатель!

— Это ещё почему? Что я такого сделал, чтобы стать предателем? — недоумённо спросил До Хён.

Тут вмешалась сестра после долгого молчания. Она не особо любила говорить в подобных разборках, предпочитала занимать сторону наблюдателя.

— А вот так. По нашим правилам, демоны, которые добровольно пошли к людям, неважно с какой целью, являются предателями, и их изгоняют из деревни.

— Как изгоняют? — только и смог выдавить из себя Хён, ибо страх просто лишил дара речи, а по спине пробежали мурашки, обливая словно водой холодным потом.

Мальчик задумался: а как окружающие поймут, что он ходил к людям? Да, могут быть вопросы по поводу порезов на лице, и большая часть подозрений пойдёт именно на людей, но ведь можно соврать и сказать, что он просто напоролся на ветки. И им ничего не останется сделать, как поверить, ведь доказательств, что это дело рук людей, нет.

— Ну ты говоришь, что таких изгоняют, — начал Хён. — Но они ведь не знают, что это дело рук именно человека, да и доказательств у них нет. Как они поймут?

Со Ён на это тихо хмыкнула, а мать тяжело вздохнула.

— Хён, — начала мама с тихим вздохом, сдерживая слё-

зы, — старейшины поймут, и все остальные тоже. У нас, у демонов, есть аура, и если мы пойдём к другим расам, аура поменяется. Маги и старейшины это видят. Они не терпят, когда нарушают правила, и поэтому выгоняют из деревни.

Сестра продолжила:

— Так что как ни крути, рано или поздно они поймут, что ты ходил к людям, и изгонят, так ещё и нам наказание будет за то, что мы тебя прикрывали. На исправительные работы отправят.

Хён замолчал, наконец понимая, что за последствия ждут не только его, но и его близких. От этого сердце сжималось, причиняя ноющую боль в груди, отчего хотелось выть.

— А если мы после решения старейшин тебя будем прикрывать, то нас отправят всех на смертную казнь, в том числе тебя! — не сдержалась сестра и сказала дальнейшие последствия, о которых мать хотела просто умолчать, во избежание травмировать психику сына.

Глаза мальчика распахнулись так широко, что, казалось, выпадут из глазниц. Он тихо спросил:

— Почему вы мне раньше не говорили о таких правилах?

— голос был тихим-тихим, слегка дрожащим.

— Это моя вина, сынок, — отозвалась мать. — Я давно должна была тебе сказать, что у нас существуют такие правила, но посчитала это ненужным, ибо думала, что ты не станешь соваться к людям, но ошиблась. А теперь время уже не обернуть вспять и исправить ничего нельзя, прости меня… — еле сдерживая плач, сказала мать.

До Хён ничего не ответил, он понимал, что виноват здесь и мать, и он сам. Он не хотел уходить, но и подвергать наказанию своих самых близких и родных он тоже не хотел, особенно смертной казни.

— Мам, не вини себя, я уйду сейчас сам, добровольно, я не хочу, чтобы тебе с сестрой хоть как-то вредили, — напоследок сказал он.

Гармония настолько тонка и невероятно хрупка, что один неверный шаг может сделать так, что даже ты среди своих можешь быть чужим. Что даже такие же, как ты, могут бросить и отречься от тебя.

Не успел мальчик оглянуться, как очутился в лесу. Родная мать выгнала его из дома со словами, что пригрела на груди предателя. До Хён оглянулся: было уже прохладно и давно

стемнело. Что делать и как пережить ему хотя бы эту ночь, он не знал. Отчаяние и обида заполнили сердце до краёв, разбивая вдребезги.

До Хён понимал, что времени на раздумья нет и нужно что-то делать. Он встал и медленно пошёл между деревьев. Он думал, что делать, ведь он ничего не знал о выживании в подобных условиях.

Он бродил около двух часов в надежде найти хоть какую-нибудь еду, ведь желудок сводило от голода. Через время удача улыбнулась ему, и он наткнулся на заросли дикой малины и черники. Глаза заблестели, живот заурчал, а рот наполнился слюной, и мальчик накинулся, словно оголодавший зверь, на добычу, жадно поедая ягоды.

Наевшись вдоволь, он задумался, что стоит набрать ягод на утро, чтобы не искать это место снова. Он думал, во что бы набрать ягоды, чтобы не занимать руки, и он придумал: рядом стояло большое дерево с гигантскими листьями. Сорвав несколько листков, он сложил их в два кулёчка. Набрав в них ягоды, он направился дальше на поиски ночлега.

Проходив ещё два часа, он наткнулся на небольшую пещерку в скале. Он забежал туда, усевшись на холодный пол. Он вздохнул, спать пока не хотелось. Может быть, потому

что не мог отойти от пережитого стресса, может быть, перед незнанием, что будет дальше. Он просто сидел и смотрел в небо. На улице было прохладно, но на удивление тихо, было лишь тихое стрекотание сверчков.

Луна была очень яркой, освещая лес. Лёгкий ветерок колыхал верхушки деревьев. Тихо вздохнув, мальчик лёг на пол, свернувшись калачиком для того, чтобы сохранить как можно больше тепла. Пролежав так какое-то количество времени, он всё-таки уснул.

Не он был чудовищем, безжалостно убивающим людей. Но это уже не имело значения…

***

В первую неделю выживания в лесу До Хён научился строить хижину, ловить рыбу и даже лепить посуду из глины и разводить огонь.

Так он жил месяц, два, три, потом год, затем два. Он взрослел не по годам быстро, недолго думая, что этому послужило. Конечно, сначала было тяжело, не только потому что он не имел никаких знаний о выживании, но и от одиночества — это даже в какой-то степени сводило с ума. Но со временем он привык и перестал тосковать по дому.

Со временем у До Хёна появились и другие потребности помимо воды и пищи. Он рос, и ему была нужна одежда. До Хён долго думал, где же ему взять одежду, и он придумал как.

Он днём ходил в деревню. На себя он накидывал ткань, что скрывала лицо и не давала выдать то, что он демон. Но на что же он покупал одежду, если у него нет денег? А он не покупал. Он высматривал ларьки, где много людей, и пока была эта толпа, он подходил, смотрел товар и незаметно для продавца стаскивал нужные вещи и уходил. И так работало всегда.

Шло время, и минуло двенадцать лет. Из милого маленького мальчика с нежной внешностью он стал красивым парнем с острыми чертами и глубокими выразительными чёрными глазами. За эти годы он научился всему, чему только можно было научиться: ловить рыбу, разжигать костры и даже добывать золото, чтобы сдавать его в деревню и брать за это деньги, чтобы хоть что-то покупать.

Он прекрасно помнил, как всему учился, как он радовался, когда поймал свою первую рыбу и как её жарил, а затем с горящими глазами ел, впервые почувствовав вкус чего-то другого, помимо ягод или кореньев.

Как он учился лепить из глины посуду, которая сначала была похожа на что-то иное, нежели на посуду, как он лепил её, а она трескалась, из-за чего он расстраивался, не понимая причину, по которой идут трещины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.